Сильно пьяный, я забрел в магазин игрушек. Там были различные безделушки, куклы и лопатки с веревочками, привязанными к резиновым мячикам. Все это было не то, что я искал. Там был ксилофон. Я взял в руки маленький молоточек и выводил несогласованные ноты, пока из подсобки не появился хозяин магазина. К моему легкому облегчению, он, похоже, не узнал меня, если не считать общего благородства. Он был упитан и располагал к себе, хотя я задавался вопросом, насколько это было рассчитано.

— Приветствую вас, добрый сэр! Чем могу быть полезен в этот благословенный день? — Его взгляд переместился на молоточек в моей руке и обратно. — Не приглянулась ли вам эта тональная доска?

Я покачал головой. — К сожалению, сегодня я покупаю для кого-то другого.

— Значит, для младшего брата?

— Сестре. — Я шатался на ногах, и он взял меня за руку, чтобы поддержать. Убедившись, что я не упаду, он отпустил мою руку и пошел в более пастельную, женственную часть комнаты.

— Сколько лет? — Спросил он, весело, но по-деловому.

— Пятнадцать… — Я сделал паузу, — Думаю.

Его рука на мгновение замерла, затем потянулась к декоративному серебряному обручу с прозрачными стразами на вершине. Он протянул ее с пышностью. — Может быть, диадема для маленькой принцессы?

Я напрягся, затем кашлянул, чтобы скрыть смех. Этот человек даже не представлял, насколько хороши его инстинкты. Мысль подарить Аннет диадему с искусственными камнями была заманчивой, но я был уверен, что она сочтет это либо глупостью, либо оскорблением.

— Увы, у нее уже есть одна.

— Хм, — пробормотал мужчина про себя. Дальше у нас начался повторяющийся процесс: он выбирал что-то с полки, я рассматривал это и в конце концов отказывался. Мне никогда не приходило в голову, как трудно Аннет делать покупки. Все, что могла бы оценить любая другая девочка ее возраста, казалось слишком детским или глупо выглядящим в ее руках.

Так продолжалось некоторое время, и наше взаимодействие становилось все более напряженным.

Хозяин магазина принес плюшевое животное. Я вздохнул и чуть было не ушел, прежде чем взглянул на него еще раз. Это был белый тигр с черными полосами, голубыми глазами и суровым взглядом. Он выделялся тем, что не казался детским. Ничего похожего на

карикатурных пятнистых собак с высунутыми войлочными языками или цирковых медведей, популярных среди детей. Если бы не его размер, он мог бы сойти за произведение таксидермии.

— Я возьму его.

Изготовитель игрушек испустил вздох облегчения, настолько большой, что казалось, он сдулся, и предложил разумную цену, скорее для того, чтобы избежать, как он предполагал, длительного торга, чем из чувства справедливости.

Я нашел Аннет в военном зале. Это было не совсем точное название — скорее, это был павильон, но с тех пор, как Аннет получила его несколько лет назад, прозвище прижилось. Дюжина столов с досками косса располагалась параллельными рядами, за каждым из них сидел один человек, и все они были погружены в раздумья. Кроме Аннет. Она, казалось, почти ни о чем не размышляла, непринужденно проходя вдоль линии, останавливаясь у каждой доски менее чем на секунду, чтобы сделать ход, прежде чем перейти к следующей.

Контраст между моими сестрами всегда казался мне необычным. Нет двух абсолютно одинаковых братьев и сестер, даже близнецов. Но мои сестры могли бы быть и вовсе с разных континентов, не говоря уже о семьях. Если Сера была яркой и энергичной, то Аннет была неразговорчивой и замкнутой. Эмоции Серы пылали белым жаром, в то время как Аннет ничего не показывала, ее чувства были невидимы и незыблемы подо льдом ее застывшего поведения. Сера владела магией и музыкой, в то время как у Аннет был только ее разум.

Но ее разум был чем-то совершенно иным.

— Привет, сестренка, — сказал я, держа тигра за спиной. Аннет не подняла глаз, а подошла к ближайшей доске и склонилась над ней. Ученик у доски выглядел совершенно ошарашенным. Потребовалось мгновение, чтобы узнать его: сын баронета, Тари, который не столько шел, сколько вышагивал, как будто сами облака поднимали его ноги. Я никогда не видел его таким потерянным.

— Почему я тебя победила? — Аннет барабанила пальцами по доске. Ее голос ничего не выдавал, если бы мы не росли вместе, я бы и понятия не имел о степени ее раздражения.

— Еще нет, — огрызнулся Тари, пытаясь вернуть свое обычное бахвальство.

— О? — Аннет в считанные секунды продемонстрировала, как каждый его возможный ход ведет к неминуемому поражению. — По мне, так я проницательна.

— Я не виноват, что ты чудо природы!

Моя злость нарастала, и я шагнул вперед, но был остановлен одним щелчком пальца Аннет.

— Вот почему ты не можешь победить, Тари из Филлмонта. — Моя сестра начала переставлять фигуры в порядке их движения по памяти. — Здесь. И здесь. Это были твои критические ошибки. Простые ошибки, которых мог бы избежать ребенок. Сколько тебе лет, Тари?

— Слишком стар, чтобы брать уроки у подростка-принцессы-затворницы. — Тари попятился назад, и его колено ударилось о стол косса, испортив доску и отправив несколько белых и красных фигур на пол. Меня охватила черная ярость, пульсирующая в уголках моих глаз. Как он посмел? У меня возникло внезапное желание схватить его за волосы и швырнуть на землю. На самом деле, всё, что мне нужно было сделать, это кашлянуть, привлечь его внимание, и он напрудил бы в свои штаны. Но по опыту я знал, что Аннет возненавидит меня за это. У нее была потребность самостоятельно бороться со своими проблемами. Поэтому я ничего не делал.

— Действительно, слишком стар. — Пристальный взгляд Аннет был язвительным, даже со стороны. — И все же, ты проигрываешь. Снова и снова. — Руки Тари сжались в кулаки. — Причина твоего поражения, — продолжала Аннет, — в том, что ты уже смирился с проигрышем. С самого начала. Ты снова и снова говоришь себе, что шансы невелики. Ты придумываешь себе оправдания. Какой смысл быть внимательным, когда ты противостоишь чуду природы? Именно в этот момент ты проигрываешь. Остальное — не более чем выученная беспомощность.

К моему удивлению, Тари действительно смягчился. Его кулаки разжались, а пальцы расслабились. Стыд отразился на его лице. — Как я могу убедить себя в том, что можно победить, если я точно знаю, что это не так?

— Нужно изменить точку зрения. Ты читал Вирелла?

— Вряд ли.

Аннет скользнула к книжной полке в дальнем конце комнаты, окинула ее отстраненным взглядом, затем вернулась. Она держала под мышкой знакомый фолиант, и я не мог удержаться от улыбки.

В детстве я никогда не понимал Аннет. Сера была понятна: боец, до мозга костей. Аннет была губкой. Она впитывала все, чему ее учили, будь то шитье или этикет, и в течение года становилась совершенно исключительной в этом деле. Но все хотели, чтобы она была принцессой, какой никогда не станет Сера. Они хотели, чтобы она хихикала и бегала по полям с цветами в волосах. Им предстояло еще долго ждать. Аннет никогда не улыбалась дольше нескольких секунд, и рассмешить ее было практически невозможно. Она говорила на эту тему лишь однажды: ей казалось, что все ждут от нее чего-то такого, чего она не знает, как дать. Все, кроме меня.

Я никогда не осуждал ее за то, что она недостаточно эмоциональна или харизматична. В какой-то неопределенный момент она начала пробираться в мою комнату по ночам, чтобы позаниматься и почитать. Ее присутствие не беспокоило меня. После общения с Серой было просто приятно иметь сестру, которая не кричит, не спорит и не нуждается в соперничестве. Иногда Аннет становилась слишком сонной, чтобы держать глаза открытыми, и в один из

таких случаев она попросила меня почитать ей. Я взял «Трактат о борьбе» Фена Вирелла, надеясь, что сухость текста оттолкнет ее, или она уснет, или, по крайней мере, она дважды подумает о том, чтобы просить меня почитать в будущем. Это обернулось обратным результатом. Я читал ей эту книгу по меньшей мере полдюжины раз. Но однажды она перестала приходить.

Я так и не узнал почему.

Аннет открыла книгу и процитировала. — Если воин оказывается в ситуации, когда победа маловероятна, а отступление невозможно, его цели должны измениться. Вместо того чтобы тратить силы на достижение немыслимого, он должен искать другой способ оставить в истории свой след. — Она закрыла книгу и передала Тари. Он медленно взял ее. — Что это значит?

— Что даже поражение должно привести к чему-то? — Сказал Тари, не в силах удержаться от того, чтобы это утверждение не прозвучало как вопрос.

— Да. — На лице Аннет мелькнула редкая улыбка, которая тут же исчезла. — Тебе необязательно побеждать, Тари. Все, что тебе нужно сделать, это заставить меня попотеть. Заставить меня задуматься, хотя бы на мгновение. Покалечить меня, чтобы кто-то другой… — Аннет указала на другие доски косса. — смог бы прийти и добить.

— Это… не очень приятно. — Тари потер затылок.

— Возможно. Но частичная победа лучше, чем полное поражение.

Аннет наконец повернулась ко мне. Она сцепила руки за спиной, и вся страсть, прорвавшаяся наружу, пока она говорила о битвах и философии, застыла, полностью покинув ее лицо.

— Привет, Кэрн.

— Аннет. — Я проигнорировал панику на лице Тари. Возможно, достаточно было знать, что он будет гадать, как долго я там стою и как много слышал, по крайней мере, в течение следующих нескольких недель. — Могу я украсть тебя? Это займет всего несколько минут. Может быть, в сады? — Я указал на дверь слева от нее, надеясь, что сегодня будет день, когда я смогу уговорить ее выйти на улицу.

— Конечно, но не в сады. — Вместо того чтобы последовать за мной, Аннет подняла одну руку и щелкнула пальцами. Тихий шепот и бормотание смолкли. — Двадцатиминутный перерыв, — сказала она через плечо, обращаясь к залу, — не опаздывайте.

Я мысленно вздохнул. Это была та часть Аннет, которая озадачивала больше всего. Раньше она была несколько предприимчива, бродила по замку, разговаривала как со слугами, так и с посетителями. Возможно, это было не то кипучее, веселое общение, какое предпочли бы мои родители, но все же она старалась. В один прекрасный день все изменилось. Через несколько

месяцев после того, как она перестала посещать мои комнаты, она вообще перестала выходить на улицу. Вся еда подавалась в ее комнату. Ее наставники и горстка друзей навещали ее здесь. Она могла покидать эти две зоны только по принуждению, и даже тогда начинала паниковать, если ее прогулки затягивались больше чем на час.

Мы неловко стояли, пока последний из ее учеников не вышел за дверь. Ей не суждено было стать учителем, но после трех недель попыток отучить Аннет от «вредных привычек», предыдущий учитель спокойно собрала вещи и покинула помещение, не оставив записки.

Я протянул белого тигра. Он был украшен красным бантом, который я смастерил из какой-то скатерти, так как забыл какую-либо обертку. Аннет сначала не потянулась, чтобы взять его. Вместо этого она изучала его, слегка согнувшись в талии, подперев подбородок рукой.

— Он подходит к твоим глазам. Питомец? — наконец сказала Аннет. Я почувствовал раздражение.

— Это подарок, Аннет. Для тебя. — Я ещё ближе придвинул тигра к ней.

— Ах. — Она взяла его и обхватила руками, как младенца, маленькая головка выглядывала из ее объятий.

Уголки моего рта начали сами собой подниматься. — Аннет. Ты только что пошутила?

— Конечно, нет. — Аннет покачала головой, и ее темные локоны всколыхнулись. — Нельзя просто считать, что тебе дарят подарок. Это может привести к недоразумению, если ты уже считаешь этого ребенка своим. — Она погладила тигра по голове.

Этот ребенок. Вот чудачка.

Я открыл рот, чтобы заговорить, но Аннет вмешалась: «Сейчас не зимний фестиваль».

— Разве мне нужен повод, чтобы баловать мою дорогую сестру? — попытался я.

Взгляд Аннет устремился к потолку, словно она что-то высчитывала. — Обернсвелл, 15-го. Или 16-го.

— Что? — Я почувствовал, как мое хорошее настроение улетучивается.

Ее холодные глаза пронзили меня. — Это был последний раз, когда ты приходил ко мне по собственной воле. Четыре месяца назад.

— Я уверен, что мы разговаривали с тех пор…

— Пуговица. У одной дамы отвалилась пуговица, и тебе понадобился мой опыт и предусмотрительность. — Аннет сморщила носик. — От ее лифа пахло глубоко несчастными розами.

— Эльфион, забери меня. — Я раздраженно провел рукой по волосам. — Ладно. Ладно. Мне жаль, Аннет. Это было ужасно…

Она взмахнула рукой, как будто отклоняя стрелу, все еще глубоко задумавшись. — Не извиняйся. Я не жду извинений. Это бессмысленно. Тебе что-то нужно?

— Нет. Если бы ты просто позволила мне…

— Не нужно одолжений. Зачем подарок? Это не праздник и не день моих именин. Почему люди приносят подарки? Любовь? Признательность? Нет.

Эти слова не были жестокими, но они задели болезненную струну в моем сердце. Не было смысла вмешиваться, когда Аннет была в таком состоянии. Лучше дать ей возможность разобраться во всем самой.

— Пахнет дешевым спиртным и дешевыми духами. Количество преобладает над качеством. Расточительство. Подарок — продукт сентиментальности, порожденный… чувством вины? Вины за что? Из-за… — конец был оборван. Затем она несколько раз моргнула и посмотрела на меня, внезапно став очень маленькой. — О. О нет.

Тогда я обнял ее. Это было все, что я мог придумать. Она не ответила взаимностью, ее маленькие руки безвольно повисли по бокам, а потом она внезапно оттолкнула меня.

— Нет. Подожди. Нет. Ты должен дать мне время, чтобы привести аргументы. Есть много причин, мне просто нужно подумать… — Она замолчала, когда я печально покачал головой. Все шло не так хорошо. Это было частью того, почему я так долго откладывал разговор с ней. Моя сестра была слишком умна для своего собственного блага.

— Сера будет нуждаться в тебе, малышка. Она умна, но слишком нахальна. Тебе нужно будет поддержать ее.

Аннет сделала такое же широкое движение рукой, ее брови нахмурились. — Я не хочу поддерживать Серу. Сера жестоко шутит. Называет меня симулякром. Выщипывает мне брови. Заимствует мои платья, несмотря на то, что они и слишком короткие, и слишком объемные для нее.

Я сдержал фырканье. — Если не учитывать грудь, она будет лучшим правителем, чем я.

— Возможно, но это не имеет значения. Мы должны были стать командой. Ты и я. Я готовилась к этому. Я знала, что тебе понадобится помощь, и я работала над собой до изнеможения…

— Это фантазии. Просто вместо меня будет Сера, — твердо сказал я.

На секунду мне показалось, что Аннет может расплакаться. Ее глаза покраснели, а губы задрожали. Затем ее дыхание стало ровнее. Я почти видел, как ее эмоции были жестоко обузданы, прижаты и изгнаны навсегда. Весь гнев, жар и разочарование полностью исчезли, сменившись равнодушием и презрением.

— Я полагаю, это прощание? Было бы неразумно задерживаться после такого.

— Полагаю, да.

— Тогда будь здоров, брат. Пусть мороз утихнет к твоему пробуждению.

Я хотел обнять ее, но по языку ее тела было видно, что дальнейший контакт нежелателен. Поэтому вместо этого я поклонился.

— И тебе того же.

Коронационный зал был забит до отказа, возбужденные разговоры сопровождались редким высокопарным смехом. Гвардейцы, всегда бдительные, выстроились спереди и сзади, в форме и с гордостью, их серо-серебристые доспехи сияли золотом в теплом свете.

Я выглянул из-за занавеса, осознание масштаба того, что должно было произойти, наконец, поразило меня и заставило желудок заныть. Все было кончено. Назад пути не будет.

Мама действительно нашла что-то фиолетовое, хотя на самом деле оно было ближе к сливовому, усеянное ненужными рюшами и достаточно подробной вышивкой, чтобы у самой талантливой швеи случился сердечный приступ. Хуже того, воротник был одновременно колючим и тугим, из-за чего мне казалось, что моя голова может лопнуть в любой момент.

Я старался не обращать внимания на множество улыбок в мою сторону. Не секрет, что большая часть королевства, за исключением небольшого числа слишком обеспеченных дворян, отчаянно нуждалась в переменах. Мой отец правил железной рукой и холодным сердцем. Благодаря этим качествам мы пережили самые тяжелые войны и восстания. Было всеобщим предположением, что как только те смутные времена закончатся, мой отец изменится. Он смягчится, когда исчезнет внешняя угроза. Но этого не произошло. Он был все тем же военачальником, который поджигал деревни своих врагов и сбрасывал военнопленных с высоких балконов. Изменились только цели.

Как бы глупо это ни звучало, но я действительно чувствовал себя несколько виноватым, когда он подошел ко мне часом ранее.

Служащий пудрил мне лицо в подготовительной комнате, когда в дверь просунулась громадная семифутовая фигура и встала позади меня, прислонившись к стене. Я не мог разглядеть его лица через зеркало и освещение, и он, казалось, был доволен тем, что стоял в тени.

— Здравствуйте, отец, — сказал я. Слуга замешкался, поклонился, а затем продолжил свою работу, гораздо более медленно и осторожно, чем раньше. Силуэт короля Гила скрестил руки, казалось, что он хочет ничего не говорить.

— Пришел дать мне совет в последнюю минуту? Секрет правления? Как выбрать достойную королеву? — Я тут же пожалел о последнем вопросе. Никому не следовало откровенничать с моим отцом, даже принцу в день его коронации.

Никакого ответа. Ничего, кроме тихого взмаха щетки слуги. Наконец мой отец заговорил глубоким, жестким баритоном. — Тебе суждено стать королем Уайтфолла? Или какой-нибудь шлюхой с Пантанской подушки?

Мой слуга тут же остановился, в его глазах появилась паника. Суровые слова моего отца были неожиданными, но будь я проклят, если позволю ему это заметить. Я бросил многозначительный взгляд на слугу, и он продолжил, изредка бросая взгляд на зеркало в глубине комнаты, словно готовясь нырнуть в сторону, если Гил ужасный ворвется, чтобы опрокинуть меня.

— Многое изменилось с момента вашей коронации, мой король. — Сказал я, мое почтительное отношение к его неподобающему поведению сочилось искренностью. — Водопровод, например. Драконы больше не бродят по земле. А на сцене большого зала достаточно люминесцентных ламп и магического освещения, чтобы самый солнечный Дулен побледнел, как старейший вампир. — Я шутливо приподнял бровь, хотя знал, какой эффект произведет моя беззаботность. — Если у меня есть выбор между тем, чтобы выглядеть пантанцем или вампиром, я должен выбрать первое.

— Почему ты позволил Таддеусу отослать людей из столицы? Сегодня, в самый важный день? — Глаза моего отца сверкали в темноте, практически тлели.

— Он считает, что эльфы…

— Это всегда проклятые эльфы! — взорвался мой отец, от его голоса задрожало зеркало. — Или гномы-камнесосы, или инферналы, или демоны. Этот человек одержим низшими расами до такой степени, что его следует считать больным. Как будто кто-то из них представляет хотя бы мимолетную угрозу.

— Когда-то давно представляли. — Заметил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более спокойно.

— Представляли, да. А потом я их раздавил. Я сжег их посевы и засолил землю. Я завалил

гномьи шахты. Я пронесся на проклятом Эльфионом драконе через портал во владения инферналов и предал их огню, а затем сломал врата измерения на своем пути. Я казнил всех эльфийских культистов и их детей.

Насмешливым тоном я мысленно произнес эту тираду вместе с ним, она так часто повторялась, но когда он дошел до конца, я не мог не скривиться. В отличие от всех остальных событий, я присутствовал при последнем. Я видел, как дым поднимался над деревнями. Слышал крики и стенания разбитых семей. Мать пыталась удержать меня дома, но отец настаивал, утверждая, что это прояснит мне истинное положение дел. Но вместо этого мне долгие годы снились кошмары.

— Да. Это так, — спокойно ответил я, глядя на него. — Это не то, что люди могут забыть. Поэтому, возможно, по неопытности я решил, что эльфы — это та угроза, за которой нам следует следить. Поскольку они могут затаить обиду из-за, знаете ли, всех этих надоедливых мертвых детей.

Человек, наносивший мне макияж, перестал дышать. Отец стоял прямо позади меня, его рука была перпендикулярна телу, готовая нанести жестокий удар в спину, который я знал слишком хорошо. Мой сопровождающий попятился назад, чтобы избежать удара.

— Ну и язык у тебя, парень, — прошипел он.

— Пожалуйста. Продолжайте. — Я повернулся к нему и встал, жестом указывая на его руку. — Ударь меня. Здесь, если хочешь. — Я указал на свой правый глаз, по совпадению, последнее место, куда он ударил, когда мы разговаривали несколько месяцев назад. — Я бы хотел увидеть силу, которую демонстрирует король, покрытый синяками и побоями. — Добрый король Гил заколебался, затем жестоко улыбнулся. Его раскрытая рука превратилась в кулак и опустилась, почти нечаянно ударив меня в живот.

Я потерял свой обед и, по ощущениям, несколько литров пива.

Когда я упал на пол, он наклонился и прошептал мне на ухо. — Всем, чем ты являешься, ты обязан мне. Я создал тебя. Правитель мирного времени — не более чем марионетка. Наслаждайся ниточками.

Именно в этот момент, глядя на только что испачканный пол, чувство вины за то, что я собирался сделать, полностью исчезло.

Церемония коронации продолжалась в леденящем душу темпе. Королевская семья расположилась на одной стороне сцены, небольшая группа дворян и высокопоставленных офицеров — на другой. Группа музыкантов закончила свое последнее произведение, и я вздохнул с облегчением. Музыка была величественной, ритмичной и совершенно изнуряющей, не отступая от математически утомительных традиций барокко.

После этого архиепископ Селик поднялся со своего места и заставил меня пожелать, чтобы

музыка продолжалась еще час. С кропотливыми подробностями, произнесенными самым благочестивым тоном, он рассказал историю традиции «Королевской Жертвы». Как каждый монарх, принесший надлежащую жертву, был вознагражден богатым правлением, и как страдал каждый король, который этого не сделал. Затем он продолжил перечислять их.

Всех.

К концу его речи даже скамьи, заполненные церковным электоратом, все высокопоставленные священники и монахини, представляли собой линию остекленевших глаз и медленно наклоняющихся голов.

К моему удивлению, Сера боролась больше всех. Ее тело на мгновение обмякло, но тут же ожило, и она огляделась вокруг, чтобы проверить, не стал ли кто-нибудь свидетелем ее ереси. Сере, конечно, не позволялось сидеть с остальными. Из-за магии. Потому что она была другой. Я поймал ее взгляд.

— Будь готова, — безмолвно произнес я.

Она кивнула. Без улыбки. Мне пришло в голову, что в этот раз Сера, вероятно, нервничала больше меня.

Архиепископ Селик, наконец, закончил. С трясущимися руками и блестками пота на лбу он взял факел у одного из стражников, сказал несколько слов на староускарийском и зажег погребальный костер в центре комнаты. Он светился обычным неземным зеленым светом — побочный эффект редкого дерева даршалл, используемого для церемонии. Королева подошла и сжала мою руку. В ее глазах стояли слезы.

— Я так горжусь тобой, — прошептала она мне на ухо.

Дай время, мачеха. Просто дайте ему время.

Я старался не сожалеть о том, как сильно это ее ранит. После этого у меня будет много времени для раскаяния. Аннет пристально наблюдала за мной. На ее лице читалось легкое замешательство, как будто она смотрела на головоломку и не могла понять, как все это складывается. Возможно, она задавалась вопросом, почему после нашего предыдущего разговора я все еще здесь. Почему я позволил всему зайти так далеко. Ответ был прост. У Аннет не было всех деталей. Сера стояла ближе всех. Я рассказал ей больше, чем было разумно. Даже она не знала всего. Неведение продлится недолго. В течение часа все поймут.

Архиепископ Селик подошел ко мне, держа в руках шелковую черную подушку, на которой лежала платиновая корона. Она была меньше, чем у моих предков, таков был порядок вещей. По мере того как рос список достижений короля, росла и корона: к ней припаивали дополнительные куски платины и драгоценные камни. В покоях королевского кузнеца, вероятно, был набор чертежей того, как могла бы расти конкретно эта корона. В другом мире

она могла бы стать настолько элегантной и массивной, что ее можно было бы только демонстрировать, а не носить. Но даже когда она была возложена на мое чело, я знал правду.

— Представляю вам Короля Кэрна, сына Гила, Первого его имени!

Эта корона никогда не вырастет. Эта корона была мертворожденной.

Аплодисменты тысяч людей вывели меня из задумчивости, и я встал, плащ волочился за мной. Я обнял мать и сестру, затем пожал руку отцу. Вся прежняя жестокость исчезла с его лица, и на нем было лицо гордого патриарха. Я наклонился, чтобы прошептать ему на ухо, как он мне.

— Я знаю, что ты совершил, старый ублюдок, — сказал я. И секунду ответа не последовало. Он был таким человеком, что, вероятно, должен был пройтись по списку с вариантами. Затем его лицо стало пепельным, а имитация гордого отца сменилась ужасом. Возможно, впервые в жизни я позволил маске соскользнуть. Он ничего не мог поделать. Мы прошли точку невозврата.

— Теперь король принесет жертву. — Архиепископ протянул дрожащую руку к потолку, и толпа снова зааплодировала. Это был последний раз, когда они аплодировали мне сегодня вечером.

Я подошел к краю, откуда открывался вид на изумрудный костер, и начал говорить.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2344193